

ПОНЯТИЕ ПОДОЗРЕНИЯ И ЕГО НАЗНАЧЕНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Рассматривается дискуссионная в современной науке проблема законодательной регламентации материального основания появления подозреваемого в уголовном процессе. В действующем УПК более двух десятков раз используется термин «подозрение», в том числе и для регулирования правоотношений, возникающих в рамках таких важных с точки зрения соблюдения прав участников производства по материалам и уголовному делу институтов, как задержание и реабилитация. Вместе с тем нормативного закрепления данная категория до настоящего времени не получила. Предметом исследования данной статьи являются научные взгляды на понятие подозрения, его сущность и назначение в уголовном процессе. В работе освещаются общие тенденции эволюции научной мысли в названном направлении, анализируются различные мнения и высказанные при этом аргументы. На основании анализа термина «подозрение» с учетом роли, отводимой ему в уголовном процессе, автором предлагается собственная формулировка исследуемой категории.

Демократизация общества и становление правового государства предполагают усиление гарантий прав и законных интересов личности. Особое значение это положение приобретает в сфере уголовно-процессуальной деятельности, которая в силу объективной необходимости немислима без вторжения в личную жизнь граждан и применения к ним государственного принуждения. Участником уголовного процесса, который, как правило, первым подвергается мерам процессуального принуждения, является подозреваемый.

Законодатель наделил орган уголовного преследования правом определять момент появления подозреваемого по собственному усмотрению, предусмотрев для этого возможность принятия соответствующих процессуальных решений, регламентированных ст. 40 УПК. Но произвольная и бесконтрольная реализация данного права может повлечь за собой существенное злоупотребление участием подозреваемого в уголовном процессе: необоснованное придание лицу указанного статуса или необоснованное лишение его такового. Во избежание подобного негативного явления, по нашему мнению, в УПК необходимо четко и однозначно закрепить наряду с процессуальными и материальное основание появления подозреваемого в уголовном деле. Именно с точки зрения исследования подозрения как материального основания возникновения в процессе подозреваемого указанная фигура и представляет на современном этапе развития правовой сферы значительный научный интерес.

В дореволюционный период предметных исследований понятия «подозрение» не проводилось. Юридическая наука советского времени идеологически была ориентирована лишь на одну схему исследования – «от права к практике», пытаясь объяснить все многообразие жизни с позиции действующего законодательства. Такой подход во многом был обречен на неудачу. Основные усилия советских авторов в большей степени направлялись на разработку предложений по совершенствованию процессуального статуса подозреваемого. Само подозрение, которое непосредственно порождает возникновение подозреваемого, выпадало из области научных исследований. В результате теория и практика пошли по пути «от подозреваемого – к подозрению», в то время как реальная картина должна быть представлена в противоположной методологической схеме – «от подозрения к подозреваемому».

После распада Советского Союза, развивая науку уже суверенных государств, некоторые авторы «повернулись лицом» к обозначенной проблеме и подвергли справедливой критике пассивность ученых советского периода в исследовании данного вопроса. Вместе с тем ими было переосмыслено понятие «подозрение» с учетом позитивного опыта, достигнутого советскими процессуалистами.

Так, еще в 1963 г. Л.В. Франк предложил следующее определение данного понятия: «Подозрение – это суждение следователя о взаимоотношении, взаимосвязи и соответствии между известными обстоятельством дела и определенной личностью, основанное на достоверных фактах, опытно-научных положениях и умозаключениях, а также на непроверенных еще данных, уличающих это лицо в совершении преступления с той или иной степенью вероятности» [13, с. 64]. Его недостатком, на наш взгляд, является чрезмерно общий характер, позволяющий отождествлять понятие «подозрение» с версией о причастности к преступлению конкретного лица. Как правильно заметил Н.А. Козловский, версия – это сугубо криминалистическая категория, которая не может влечь каких-либо процессуальных последствий. В то же время подозрение должно рассматриваться в процессуальном плане, поскольку им обуславливается появление подозреваемого в уголовном процессе. По мнению ученого, можно и необходимо говорить только о соотношении этих категорий, не подменяя их друг другом, так как это приведет к терминологическому разнобою [6, с. 42]. Не вызывает острых дискуссий утверждение о том, что версии отличаются от подозрения рядом существенных признаков, среди кото-

рых в первую очередь можно выделить множественность версий по отношению к подозрению, различие в источниках информации и объеме фактических данных, положенных в основу выдвижения.

Л.М. Карнеева рассматривала подозрение в трех значениях – как психологическую характеристику состояния сознания следователя, определяющую его субъективное отношение к исследуемому факту, как криминалистическое понятие, используемое при подборе оснований к решению задач расследования и для выдвижения версий и, наконец, как процессуальную категорию, когда с возникшим подозрением закон связывает наступление определенных процессуальных последствий [6, с. 8–9]. Аналогичную точку зрения уже на современном этапе развития процесса высказывал В.Ю. Мельников [10, с. 12].

А.М. Ларин исследовал подозрение в криминалистическом и уголовно-процессуальном аспектах: «В специальном криминалистическом значении подозрение – это вывод (объясняющая часть), версия о субъекте преступления». Подозрение же в уголовно-процессуальном смысле есть «вывод из версий, основание которой специально предусмотрено законом» [8, с. 140–141].

По мнению И.А. Пантелева, «...подозрение, как уголовно-процессуальная категория, не может являться версией или психологическим состоянием следователя, а имеет место лишь тогда, когда в отношении заподозренного лица официально выдвинут тезис подозрения в форме какого-либо процессуального акта» [12, с. 105]. По указанным соображениям ученый придерживается точки зрения Н.А. Козловского, который под подозрением понимает «...особую форму причастности лица к совершенному преступлению, выраженную в виде вывода органов уголовного судопроизводства и оформленного специальным процессуальным актом о предположительно преступном характере его деяний и необходимости вовлечения его в сферу уголовно-процессуальной деятельности в качестве подозреваемого» [6, с. 50].

С таким решением вопроса справедливо, на наш взгляд, не соглашается А.К. Аверченко, полагающий, что в определении подозрения в уголовно-процессуальном смысле Н.А. Козловским несколько смещены акценты – формой причастности к преступлению может быть, например, соучастие или прикосновенность. Автор предлагает определять подозрение как «...основанное на достаточных доказательствах предположение органа расследования о причастности лица к преступлению, которое официально объявлено лицу в соответствующей форме и образует у него правовой статус подозреваемого» [2, с. 40]. Указанное определение находит поддержку и у М.З. Абесалашвили, которая также исходит из того, что подозрение должно быть основано на достаточных доказательствах участия лица в совершении преступления [1, с. 40].

С высказанными мнениями в полной мере трудно согласиться по следующим причинам: во-первых, подозрение – это в первую очередь внутреннее предположение о причастности лица к совершению преступления, формирующееся на основе фактических данных, воспринимаемых непосредственно лицом, у которого зарождается подозрение, органами зрения или слуха либо полученных из материалов проверки или уголовного дела. Данное убеждение является субъективным, и степень его обоснованности может быть разной. Как показывает изучение окончанных уголовных дел, в большинстве случаев подозрение зарождается еще до возбуждения уголовного дела, а часто и до проведения проверки факта совершения преступления⁵. Здесь речи о доказательствах идти не может, так как фактические данные еще не обличены в процессуальную форму. Однако во избежание субъективности в оценке того, возникло ли обоснованное подозрение в отношении конкретного лица в том или ином случае, в законе необходимо регламентировать основания его возникновения. Именно от наличия этих оснований и будет зависеть реальность возникшего подозрения со всеми вытекающими отсюда последствиями (задержанием, возбуждением уголовного дела, приданием лицу процессуального статуса подозреваемого и др.). Во-вторых, подозрение может возникнуть не только у следователя либо органа расследования (так считают Л.В. Франк и А.К. Аверченко). Представляется не совсем верным и позиция Н.А. Козловского, который отнес к субъектам возникновения подозрения любой орган уголовного судопроизводства. Подозрение обоснованно возникает лишь на досудебных стадиях процесса у органа уголовного преследования, к которому законодатель отнес орган дознания, дознавателя, следователя и прокурора. С учетом приведенных аргументов наиболее близко к нашему пониманию исследуемой категории представляется определение, данное В.Ю. Мельниковым: утверждение органа уголовного преследования на основании имеющихся фактических данных о причастности конкретного лица к совершению преступления [10, с. 20].

Более сложным является вопрос о форме существования подозрения. Напомним, что, по мнению Н.А. Козловского, подозрение – это вывод, А.К. Аверченко и М.З. Абесалашвили считают подозрение предположением, а И.А. Пантелеев и В.Ю. Мельников – утверждением.

⁵ Нами изучено 300 уголовных дел в судах Партизанского, Октябрьского и Ленинского р-нов Минска, а также Бобруйского р-на и Бобруйска. В 268 случаях (89,3 % от общего числа изученных дел) подозрение возникало до возбуждения уголовного дела. Из них в 117 случаях (39 % от общего числа изученных дел) подозрение возникало до проведения проверки факта совершения преступления.

Думается, что ситуацию может прояснить толково-этимологический анализ слова «подозрение». В рассматриваемом нами контексте подозрение является производным от «подозреть», «стараться увидеть что-либо тайком». Префиксальное образование от «зреть» (смотреть, глазеть) [14, с. 241].

С.И. Ожегов определяет подозрение как:

«1) Предположение, основанное на сомнении в правильности, законности чьих-нибудь поступков, в правдивости чьих-нибудь слов, в честности чьих-нибудь намерений (*Задержан по подозрению в краже. Быть под подозрением или на подозрении у кого-нибудь, вызвать к себе подозрение, подозрительное отношение*).

2) Предположение о возможности чего-нибудь (*Подозрение на скарлатину*)» [11, с. 539].

В. Даль делает акцент на правовую сферу применения подозрения и формулирует его как «...догадки на кого, сомнения, недоверия, обвинения (*На него падает подозрение в стачке с ворами. Оставить кого по суду в подозрении, не обвинив и не оправдав, постановить, что есть повод считать его невиновным*)» [3, с. 174].

В современной справочной литературе рассматриваемое понятие трактуется как «предположение о виновности кого-либо, о предосудительности чьих-либо поступков, о нечестности чьих-либо намерений» [4, с. 161].

Таким образом, из анализа этимологии и толково-справочной литературы следует, что подозрение не является выводом, так как носит вероятностный характер, в то время как вывод – это высказывание, полученное из одного или нескольких истинных суждений [9, с. 180].

Остается открытым вопрос о существовании подозрения в уголовном процессе в форме утверждения. Для его решения представляется необходимым произвести сравнительный анализ подозрения и обвинения.

Последнее довольно четко, всесторонне и однозначно раскрыто в толковых и юридических справочниках и словарях.

Так, С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова определяют обвинение как:

«1) Упреки, укоры (*Несправедливое обвинение. Обвинение во лжи, в неискренности*).

2) Признание виновным в чем-нибудь, приписывание кому-нибудь какой-нибудь вины; вменение в вину (*Судить по обвинению в краже. Предъявить обвинение кому-нибудь. Бросить обвинение кому-нибудь*).

3) Юридические действия, направленные на доказательства виновности того, кто привлекается к уголовной ответственности (*Государственное обвинение. Общественное обвинение. Частное обвинение*).

4) Обвинительный приговор (*Вынести обвинение*).

5) Обвиняющая сторона в судебном процессе (*Свидетели обвинения*)» [11, с. 425].

В. Даль обвинение объясняет через глагол «обвинять», что значит «обвинять кого в чем; винить, взводить на него вину, считать причинным, виновным; приносить жалобу, подвергать ответу; виноватить, признавать виновным, присуждать виновным в чем (*Его обвиняют в двуличности. Он обвинен в злоупотреблениях и предан суду. Суд, обвинив его, приговорил – быть обвиняемому; оказался виновным, он обвинялся в упущениях, но оправдан судом*)» [3, с. 509].

Т.Ф. Ефремова определяет обвинение как:

«1) Процесс действия по значению глагола: обвинять (обвинить); изобличение какого-либо лица в совершении преступления перед судом.

2) Признание за кем-либо вины.

3) Упреки, указания на вину.

4) Обвиняющая сторона в судебном процессе.

5) Обвинительный приговор» [4, с. 1058–1059].

Правовую трактовку этого же понятия дает О.Е. Кутафин. Обвинение представлено как:

«1) Одна из уголовно-процессуальных функций (в противоположность функции защиты), определяющая направление деятельности уполномоченных законом органов и лиц и заключающуюся в доказывании виновности привлекаемого к уголовной ответственности.

2) Содержание обвинительного тезиса, сформулированного в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительном заключении, определении о предании суду, обвинительном приговоре.

3) Описание преступного деяния, признанного доказанным» [7, с. 307].

Все указанные источники вкладывают в юридическое понятие обвинения один и тот же смысл, который отражает реально существующий взгляд на понятие обвинения в действующем законодательстве. Так, в соответствии со ст. 6 п. 17 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь

(далее УПК) «обвинение – утверждение о совершении определенным лицом конкретного общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом...», сделанное при наличии достаточных доказательств, дающих основания для предъявления лицу обвинения в совершении преступления, «...а также процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения». При этом вторая половина определения обвинения отражает деятельностный аспект и в рассматриваемом контексте для нас интереса не представляет.

Итак, обвинение в уголовном процессе выступает в форме утверждения. Может ли подозрение быть обличено в эту же форму? Думается, что основным отличием подозрения от обвинения является уровень объективной истины, установленной по делу, то есть объем фактических данных, позволяющих утверждать или предполагать причастность конкретного лица к совершению преступления. Тот объем истинных знаний, который необходим для возникновения подозрения, дает возможность сформулировать лишь предположение о причастности лица к совершенному преступлению. Достоверные события здесь еще не установлены, а вскрыты лишь отдельные составляющие: неполные знания об объективной картине преступления, которые не дают возможности органу уголовного преследования предъявить лицу обвинение. Как только следователь (дознатель) получает фактические данные, дающие основания заменить предположение о совершении лицом преступного деяния на утверждение о его совершении, подозрение перерастает в обвинение. Анализ словарей показывает, что авторы аналогичным образом разграничивают понятия «предположение» и «утверждение». Так, В. Даль объясняет значение слова «предполагать» посредством глаголов «думать», «полагать», «догадываться» [3, с. 388], в то время как «утверждать», по мнению ученого, означает «настаивать на чем, уверять в истине чего» [3, с. 519]. С.И. Ожегов определяет понятие «предположение» как догадку, предварительное соображение [11, с. 581], а «утверждение» – как положение, мысль, которую настойчиво доказывают [11, с. 842].

Таким образом, обвинение – это конкретное, основанное на определенной совокупности доказательств, утверждение о совершении лицом преступления. Подозрение же являет по своей сути познавательную неопределенность, то есть ту или иную степень предположительного знания, не позволяющего сразу предъявить обвинение человеку, против которого обращено уголовное преследование, поэтому подозрение может существовать только в форме предположения, догадки, подразумевающей наличие у органа уголовного преследования вероятностных данных о причастности лица к совершению преступления. Вероятностные данные отличаются от абсолютно истинных «...степенью приближения к однозначности выводов на пути от незнания к полному, точному знанию. Вероятностные – это предположительные знания, допускающие двузначное истолкование выводов о реальности, одно из которых является истинным, а другое истолкование – ложным, заблуждением» [15, с. 163]. Говоря о подозрении, Н.А. Козловский определяет вероятное знание как «...недоступные непосредственно восприятию внутренние связи, объясняющие происхождение фактов, их причинную обусловленность» [6, с. 58–59]. В то же время, по мнению автора, истинное знание в подозрении – это «...знание доступных непосредственно восприятию внешних явлений и свойств предметов» [6, с. 58–59]. Таким образом, трансформация подозрения в обвинение зависит от уровня истинности знаний о преступлении и является верхней границей существования подозрения.

Иная ситуация складывается при решении вопроса о его возникновении, то есть установлении нижней границы подозрения. Главным на данном этапе является вопрос о наличии либо отсутствии достаточных данных, дающих возможность подозревать лицо в причастности к совершению преступления. Однако этот вопрос представляется неоднозначным и требует проведения отдельного научного изыскания.

Таким образом, подводя итог исследования проблемы подозрения, считаем возможным сделать следующие выводы.

Перспективным и отвечающим требованиям времени представляется законодательное закрепление понятия «подозрение» как материального основания появления подозреваемого, что внесет в практику прямую зависимость существования указанного участника процесса от наличия подозрения и поставит отечественное уголовно-процессуальное законодательство в данной сфере на шаг вперед относительно зарубежных государств. Нам видится следующее определение данной категории: «Подозрение – это основанное на фактических данных предположение органа уголовного преследования о причастности конкретного лица к совершению деяния, содержащего признаки преступления».

Понятия «подозрение» и «подозреваемый» органически взаимосвязаны и не могут существовать одно без другого. Подозреваемый может стать субъектом уголовно-процессуальной деятельности только и не иначе как при наличии подозрения, а последнее, в свою очередь, имеет место лишь в отношении конкретного лица, наделяемого статусом подозреваемого.

Библиографические ссылки

1. Абесалашвили, М.З. Подозреваемый как участник уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М.З. Абесалашвили. Майкоп, 2005.
2. Аверченко, А.К. Подозреваемый и реализация его прав в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.К. Аверченко. Томск, 2001.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль. М. : Рус. яз., 1989. Т. 3.
4. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка : Толковый словообразовательный : Свыше 136 000 словар. ст., ок. 25 000 семант. единиц : в 2 т. / Т.Ф. Ефремова. М. : Рус. яз., 2000. Т. 2.
5. Карнеева, Л.М. К вопросу о подозреваемом в советском уголовном процессе / Л.М. Карнеева // Советская криминалистика на службе следствия. М. : Госюриздат, 1959. Вып. 12.
6. Козловский, Н.А. Подозрение в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н.А. Козловский. Свердловск, 1989.
7. Кутафин, О.Е. Юридический энциклопедический словарь / ред. кол. Т.Е. Абова [и др.] ; гл. ред. О.Е. Кутафин. М. : Большая рос. энцикл., 2002.
8. Ларин, А.М. От следственной версии к истине / А.М. Ларин. М. : Юрид. лит., 1976.
9. Малахов, В.П. Логика для юристов : учеб. пособие для студентов вузов / В.П. Малахов. Екатеринбург : Деловая кн., 2002.
10. Мельников, В.Ю. Задержание заподозренного лица / В.Ю. Мельников. Ростов н/Д : ИнфоСервис, 2003.
11. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд. М. : Азбуковник, 1999.
12. Пантелеев, И.А. Проблемы совершенствования института подозрения в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И.А. Пантелеев. Екатеринбург, 2000.
13. Франк, Л.В. Задержание и арест подозреваемого в советском уголовном процессе / Л.В. Франк. Душанбе : Таджик. гос. ун-т, 1963.
14. Шанский, Н.М. Этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. М. : Прозерпина, 1994.
15. Якупов, Р.Х. Уголовный процесс : учеб. для вузов / Р.Х. Якупов ; под ред. В.Н. Галузо. М. : Зерцало, 1998.

И.П. Тарасевич, старший преподаватель
кафедры уголовного процесса Академии
МВД Республики Беларусь;
С.В. Рыбак, адъюнкт НПФ Академии МВД
Республики Беларусь

ПОНЯТИЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Исследуется генезис теоретических взглядов на понятие подозреваемого в уголовном процессе. Изучению подвергнуты труды наиболее известных авторов как дореволюционного, так и послереволюционного периода исторического развития, формулирующих в своих работах определение подозреваемого. Обозначен эволюционно-прогрессивный вектор развития научной мысли в данном направлении. Акцентировано внимание на сложность в научном обосновании и практическом понимании понятия подозреваемого, регламентированного действующим уголовно-процессуальным законодательством. На основе результатов изучения теоретического наследия, накопленных знаний о назначении института подозреваемого в целом, о материальных и процессуальных основаниях его возникновения, о его месте среди других участников уголовного процесса авторами предлагается собственная формулировка рассматриваемого понятия.

Основной составляющей правовой коммуникации является язык закона, посредством которого организуется взаимосвязь и взаимодействие общества и государства. Его общедоступность и понятность достигается правильностью, последовательностью, четкостью и единством используемой терминологической базы. Некорректное формулирование и толкование юридических терминов и понятий создает прямую угрозу эффективности нормотворческого процесса, приводит к усложнению понимания взаимосвязи соответствующих норм и их практической реализации, а в конечном итоге – к возникновению коллизий и некачественным разрешениям возникающих споров. Особенно это ощутимо в правовой сфере, где на первый план выходит необходимость в поиске баланса между удовлетворением государственных и общественных интересов, а также соблюдением прав, свобод и законных интересов граждан.

Понятие подозреваемого как участника уголовного процесса, по нашему мнению, является одним из наиболее уязвимых с точки зрения научного обоснования и практического понимания звеньев его процессуального статуса, создающих ряд серьезных проблем при реализации функционирующих норм⁶. Высказанную точку зрения разделяют около половины опрошенных практических работни-

⁶ Ст. 40 УПК определяет подозреваемого как физическое лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, либо лицо, в отношении которого органом уголовного преследования возбуждено уголовное дело или вынесено